

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ И НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН

В 2003 г. А. Н. Цамутали опубликовал статью, в которой несколькими штрихами обрисовал облик известного ученого-историка и незаурядного человека Н. Л. Рубинштейна.¹ Опираясь на его автобиографический очерк «О путях исторического исследования», А. Н., в частности, упомянул, что знакомство Н. Л. Рубинштейна с Б. А. Романовым состоялось во второй половине 20-х гг. XX в. во время его приезда из Одессы в Ленинград для занятий в Центрархиве. В нем Б. А. Романов заведовал отделом экономики и финансов, и с его стороны молодой историк встретил, как он написал, «исключительно внимательное и предупредительное отношение».²

Вскоре, в начале 1930 г., Б. А. Романов был репрессирован за якобы принадлежность к мифической антисоветской контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».³ По отбытии срока заключения и возвращении в середине 1933 г. в Ленинград он надолго (вплоть до 1941 г.) оставался безработным и безуспешно искал возможность возобновить каким-то образом свою профессиональную деятельность. Надежда ученого отчасти была связана с попыткой приступить к изданию рукописей умершего в сентябре 1929 г. его учителя А. Е. Преснякова, в частности некоторых его статей.⁴ Но эта идея так и не была реализована.

В сентябре 1934 г. с Б. А. Романовым был подписан договор, предусматривавший подготовку к печати первого тома лекционного курса по русской истории А. Е. Преснякова, читавшегося в дореволюционном Петербургском университете.⁵ Он сразу же приступил к этой работе и уже в 1935 г. был готов сдать его в издательство. Этот курс не предназначался самим А. Е. Пресняковым к опубликованию. Он сохранился в двух редакциях в виде нескольких записных книжек, заполненных мелким почерком, с большим количеством сокращений и без аппарата. Потребовалось провести исключительно кропотливую работу по транскрибированию и редактированию текста, а также написанию примечаний. Но два года подготовленная рукопись лежала без движения.

Лишь к концу 1937 г. ею заинтересовалось Издательство социально-экономической литературы (Соцэгиз), где уже несколько лет плодотворно работал переехавший из Одессы в Москву Н. Л. Рубинштейн. Он хорошо помнил беседы в Ленинграде с А. Е. Пресняковым, которые, по его словам, имели для него «особое значение», в частности по поводу интерпретаций Правды Русской.⁶ Не забывал он и о своих встречах с Б. А. Романовым, который помогал ему в архивных поисках необходимых источников. Н. Л. Рубинштейн и стал инициатором опубликования всего трехтомного курса А. Е. Преснякова и привлечения к этой работе Б. А. Романова. Несомненно этому способствовали политический и идеологический поворот, связанный с дискредитацией Сталиным М. Н. Покровского и его школы, и новый курс — на отказ от национального нигилизма и выдвижение в качестве государственной идеологии патриотизма. Ярким его проявлением стало переиздание в 1937 г. знаменитых «Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С. Ф. Платонова, репрессированного по тому же делу,

как и Б. А. Романов, и умершего в ссылке в 1933 г., курса лекций по русской истории В. О. Ключевского. В 1939 г. Соцгиз переиздал также книгу «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» скончавшегося в 1935 г. П. Г. Любомирова, ученика А. Е. Преснякова и давнего друга Б. А. Романова. Готовилась к напечатанию монография Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси».

Намечаемая публикация лекций А. Е. Преснякова стала следствием этих идеологических перемен в партийно-государственной политике. С Б. А. Романовым был заключен договор, теперь уже с поручением подготовить к изданию всех трех томов лекционного курса и аппарата к ним. Работа велась в тесном контакте с Н. Л. Рубинштейном, в процессе ее возникла взаимная дружеская симпатия. В конце 1930-х гг. между ними завязалась переписка, продолжавшаяся до кончины Б. А. Романова в 1957 г., в которой они (особенно Б. А. Романов) сообщали друг другу о своей текущей работе, о трудностях, препятствиях, чинимых им, выражали радость успехами друг друга.⁷ Кроме того, Н. Л. Рубинштейн нередко приезжал в Ленинград, где жили и работали два его брата, иногда отдыхал летом после войны на Карельском перешейке. В этих случаях он бывал дома у Б. А. Романова, познакомился с его женой Еленой Павловной, которой он неизменно передавал приветы в своих письмах.

В результате этого сотрудничества в 1938 г. вышел в свет первый, а в 1939 г. второй том курса лекций А. Е. Преснякова.⁸ Правда, автором предисловия к первому тому был назван только Н. Л. Рубинштейн, а имя Б. А. Романова даже не упоминалось, хотя он провел большую работу над текстом лекций, написал археографическую часть предисловия, а также составил предметный указатель. Это связано с тем, что на упоминание в печати фамилии ранее репрессированного ученого был наложен запрет. К 1939 г. он, как видно, был отменен и в предисловии ко второму тому отмечена вся работа, выполненная Б. А. Романовым в обоих томах. Третий том тоже был им подготовлен, но в ноябре 1939 г. в связи с началом советско-финской («зимней») войны он получил предписание в кратчайший срок покинуть Ленинград и поселиться за 100-километровой зоной восточнее города, из-за чего работа по изданию этого тома была приостановлена.

В марте 1940 г. Б. А. Романову удалось вернуться в Ленинград благодаря хлопотам руководства Института истории материальной культуры, по заказу которого он работал над главой для ответственного издания — «История культуры древней Руси». В самом конце 1940 г. (28 декабря) Н. Л. Рубинштейн написал ему письмо, в котором сообщил, что третий том лекций А. Е. Преснякова «идет в набор», в связи с чем просил «как и в отношении прежних [томов] держать корректуру, чтобы обеспечить надлежащее качество издания и для этой, 3-й части». Далее Н. Л. Рубинштейн спрашивал: «Работаете ли сейчас над чем-нибудь?», и сетовал на то, что не имеет о нем свежих сведений.

В ответном письме (от 10 января 1941 г.) Б. А. Романов, намекнув на вполне реальную опасность новой высылки, грозящей ему, осторожно отметил, что он «пока вновь в Ленинграде». «Работал этот тревожный год (1940 г. — *В. П.*), — продолжал он, — очень много и не без интереса для 1 тома „Истории русской культуры“». А из этой статьи-главы о людях и нравах домонгольской Руси вышла целая книжечка о том же, ласкают надеждой, что напечатают и ее. В результате со всей этой работой покончено и в наследство осталось тягостное переутомление мозгов и нервной системы. Кочевой

тарантас — неподходящая площадка для литературных упражнений и исследовательских инвенций. Тема была не тема, а вопль: дайте живых людей, чтобы камни заговорили. Теперь находят, что люди зажили и что камни говорят. Но, очевидно, что это далось мне ценой внутреннего перенапряжения, и к старту 1941 г. я пришел без сил для дальнейшего бега <...> Эскапада с „людьми” обращается и дальше на мою голову. Людей хотят и в III том истории культуры (XVI в.), и в историю Петербурга XVIII в. Можно подумать, что у меня пруд для разведения раков, которыми я могу торговать на все века, живьем! К сожалению, это не так. Налицо разрушительное действие подобных эскапад».

20 января 1941 г. Н. Л. Рубинштейн сообщил Б. А. Романову, что послал ему отредактированную им рукопись («дублет») третьего тома лекций А. Е. Преснякова: «Редактирование это я произвел в свое время — года два тому назад <...> дело ограничивается небольшой стилистической правкой». После дополнительного просмотра Б. А. Романовым этой рукописи, текст третьего тома был набран, и Н. Л. Рубинштейн приступил к работе над ним. Через некоторое время Б. А. Романов получил известие от Н. Л. Рубинштейна о том, что вскоре должна выйти в свет его книга «Русская историография». В ответ Б. А. Романов 31 мая 1941 г., накануне начала войны, написал ему письмо, в котором изложил свое мнение о значении историографических исследований: «с нарастающим интересом жду выхода Вашей книги. Пожалуй, трудно назвать сейчас более актуальную, в подлинном значении этого, к сожалению, затасканного слова, тему — для вдумчивых историков. Не думаете ли Вы, что собственный путь к повышению теоретического уровня (тоже в подлинном смысле слова) лежит через осознание себя в историографическом плане — что касается историков, которые действительно бы хотели отделить в себе пшеницу от плевел? Я думаю, что <...> следовало бы начать с этого, а не просто с шельмования Покровского: нет такой мичуринизации, которая из шакалов вырастила бы льва».

Далее Б. А. Романов откровенно поведал о своей неудаче: «А у меня новое огорчение. Моя книга „Люди и нравы домонгольской Руси” натолкнулась на такой византийский отзыв Б[ориса] Д[митриевича] [Грекова], который рискует похоронить ее. Впечатление такое, что он хочет оградить свою опришнину, „ать никто не вступает в нее”. А отзыв такой: книга „оригинальна и интересна”, но есть „выводы, с которыми я согласиться не могу” (мало ли что!) и „формулировки”, которые требуют „замены”. А какой замены и какие формулировки — не пишет. Издательство и вернуло мою рукопись с просьбой — вступить лично в переговоры с Б. Д-чем! Но что бы осталось от „оригинальности” книги, если бы выводы и формулировки обратились в „грековские” <...> Таковы тернистые пути современной нам историографии! Вы думаете, что Б. Д. делает вывод, что книгу не надо печатать? Ничуть. Наоборот: ее „следует напечатать”. Вот уж легкость движений, которой могла бы позавидовать любая Лепешинская-Уланова!». Это письмо безусловно свидетельствует о том, что между Б. А. Романовым и Н. Л. Рубинштейном установились к этому времени доверительные отношения.

Что же касается издания третьего тома лекций А. Е. Преснякова, то оно было приостановлено из-за начавшейся войны. Н. Л. Рубинштейн уехал из Москвы в эвакуацию в Саратов, где стал работать в университете, а Б. А. Романов, чья жена, как врач, была мобилизована и направлена на Волховский фронт, пережил первые месяцы блокады Ленинграда и 6 ноября 1941 г., когда была организована эвакуация докторов наук — «золотого фонда» — его, заболевшего дистрофией, на самолете «перекинули из кольца»,

после чего он, по его словам, оказался «один, как перст». «Мой путь был долог, извилист и неверен, — писал позднее Б. А. Романов А. И. Андрееву, — без всякой надежды на успешное и осмысленное его окончание, не говоря уже о том, что только чудо спасло меня от германских лап при проезде по Тихвинскому району». Пересаживаясь с теплушки на теплушку, Б. А. Романов «докатился до Вятки за отсутствием путей на Казань»,⁹ куда он был направлен в распоряжение эвакуированного из Москвы Президиума Академии наук.

Здесь, в Вятке, его положение стало вовсе отчаянным, и 25 ноября он послал в Саратов Н. Л. Рубинштейну фактически прощальную открытку, полную трагизма и безысходности: «Отправили без денег, кроме очередной зарплаты. Она кончается через несколько дней. Ленинград обещал платить, но не знает, где я. Казань молчит. Греков в Ташкенте. Вместо спасения „золотого фонда“ — болезнь и нищенство; я еле двигаюсь и жду краха. Я лететь не хотел, но нажали, обещали, что директораты возьмут попечение. Вместо этого заброшенность и одиночество, оторванность от всех пуповин. Хочу в Ташкент, там есть друзья. Но нет денег на поезд и сил на проезд — здесь уже самолетов не предлагают. А ехать в эшелоне — 1½ месяца — верная смерть. Пишу эту открытку на прощанье, чтобы поблагодарить Вас за все хорошее, что видел от Вас и чтобы Вы знали, при каких обстоятельствах я погибаю <...> Прощайте, дорогой мой». Эта короткая записка ясно свидетельствует о том, насколько Б. А. Романов в критические для него дни осознавал свою душевную близость с Н. Л. Рубинштейном.

Все же он через два месяца с трудом добрался до Ташкента, где находились в эвакуации академические институты гуманитарного профиля. Война надолго прервала их контакты. Б. А. Романов вернулся в Ленинград летом 1944 г., а Н. Л. Рубинштейн — в Москву в 1942 г. К этому времени была выпущена в свет подписанная к печати накануне начала войны ставшая знаменитой его книга «Русская историография»,¹⁰ которую автор сумел послать Б. А. Романову только после войны. О своем впечатлении Б. А. Романов написал 27 сентября 1945 г. Е. Н. Кушевой: «С удовольствием прочитал „Историографию“ Николая Леонидовича — от доски до доски без отрыва», и тут же запрашивал о новом московском адресе автора.¹¹

Адрес, в частности, пригодился Б. А. Романову для того, чтобы отправить ему в 1948 г. только что изданную монографию «Очерки дипломатической истории русско-японской войны».¹² Н. Л. Рубинштейн 13 ноября 1948 г. в ответ писал Б. А. Романову: «Хочу от души поздравить с выходом Ваших „детищ“, притом в таком большом числе! Раньше всего раздобыл II том „Русской Правды“: книга является ценным материалом для каждого научного работника, занимающегося Киевской Русью <...> Большое спасибо за „Русско-японскую войну“; пока только <...> посмотрел ее, но с большим интересом <...> Кажется, от С. Б. Окуня слышал, что вышел третий Ваш опус — „Люди Киевской Руси“». Отвечая на это письмо уже через десять дней, 23 ноября 1948 г. Б. А. Романов, откровенно и, как всегда, образно сообщил о своей роли в издании Правды Русской. Он проделал после войны всю работу по редактированию этого издания, хотя оно вышло в свет под редакцией Б. Д. Грекова;¹³ «... меня очень тронуло, что Р[усскую] П[равду] Вы относите к „моим“ детищам. Не Вы первый, но я тщательно коллекционирую эти причисления, потому что, если есть в этом „слоне“ чья-нибудь кровь и чей-нибудь пот (и нервы), то это мои кровь и пот и мои нервы, хоть тому нет внешнего следа в книге. Издание это, конечно, чисто „служебное“, но я придаю ему значение „всесоюзное“.

Оно рассчитано на широкую периферию, как „библиотечка” Р[усской] Правды, незаменимая по всему необъятному пространству страны».

В 1948 г. Б. А. Романов отправил по почте Н. Л. Рубинштейну также недавно вышедшую в свет книгу «Люди и нравы древней Руси»,¹⁴ о злоключении с изданием которой он писал ему накануне войны. Именно в это время развернулась травля Н. Л. Рубинштейна. Объектом нападок стала его книга «Русская историография», изданная за несколько лет до этого. Его шельмовали за то, что он, якобы отрицая самостоятельное значение русской исторической науки, указывал на ее западные истоки, антинаучно, нигилистически характеризовал достояние русской средневековой культуры (летописи), игнорировал советскую историческую науку как принципиально новый высший этап развития мировой науки.¹⁵ В результате Н. Л. Рубинштейн был уволен из Московского университета и вообще отовсюду и с трудом нашел приют в Московском библиотечном институте.

Б. А. Романову он написал в сентябре 1948 г. и сообщал, что «усиленно» занимается новым исследованием — по истории XVIII в., и «хотел бы в 1949/50 уч[ебном] году закончить первую часть монографии». «Со своей стороны, — продолжал Н. Л. Рубинштейн, — думал в Ленинграде поговорить с Вами о моих впечатлениях от „Людей и нравов”. Как всегда, книга написана остро и интересно, но, на мой взгляд, односторонне. Да и можно ли не стать мизантропом, если смотреть на мир сквозь призму судебных тяжб и „полицейских дел”? <...> Что касается смердов, то здесь у нас с Вами спор особый».¹⁶

Б. А. Романов сразу же (27 сентября 1948 г.) ответил, написав прежде всего о идущих и в Ленинграде идеологических проработках: «В университете начинаются заседания с откликами на биологические дискуссии — во всеуниверситетском масштабе. В связи с рецензиями на В. М. Штейна, Равдоникаса и Вайнштейна — некоторая настороженность. С другой стороны, здесь слушали разгромный доклад А. Д. Люблинской о французской работе Б. Ф. Поршнева». Далее Б. А. Романов откликнулся на оценку Н. Л. Рубинштейном книги «Люди и нравы древней Руси»: «Если это не просто комплимент <...> то мне приятно, что она заинтересовала даже Вас. Свою аудиторию я видел не в столь высоких слоях атмосферы. Отсюда открывается для меня возможность обсуждения ее (с Вами) в профессиональном плане. К сожалению, у нас сейчас все обернулось так, что негде работникам исторической науки поговорить лабораторно — точно наш брат выскакивает на сцену, как Венера из пены морской или как мать родила, а не проходит его жизнь и работа в „репетиционном зале”. Это пренебрежение именно к лабораторной части в науке отдает расточительностью и барством и пренебрежением к технике научной работы. Тут какое-то искривление самого пагубного свойства».

Незадолго до этого обмена письмами Н. Л. Рубинштейну казалось, что вскоре можно будет издать оставшийся с довоенного времени в корректуре третий том лекций А. Е. Преснякова, о чем он написал Б. А. Романову в постскрипуме к письму от 13 ноября 1947 г.: «3-я часть лекций Преснякова намечается в план 1948 г.». Но травля Н. Л. Рубинштейна в 1948–1949 гг. и начавшаяся в апреле 1949 г. травля Б. А. Романова в связи с его книгой «Люди и нравы древней Руси»,¹⁷ а также ряд резко критических статей с оценкой творчества А. Е. Преснякова¹⁸ положили конец этим попыткам. Корректурка же сохранилась и находится в Архиве С.-Петербургского института истории.

В 1949 г. и в дальнейшем Б. А. Романов подолгу болел. Обострились прежние недуги. В частности, еще в Ташкенте у него был поврежден глазной нерв. Из-за этого время от времени он терял возможность читать и писать и все же продолжал усиленно работать — одновременно над комментированием Судебника 1550 г. и над исправленным и расширенным переизданием книги «Очерки дипломатической истории русско-японской войны».

Н. Л. Рубинштейн время от времени писал Б. А. Романову, пытаясь поддержать и подбодрить его, рассказывал о своих исследованиях по истории сельского хозяйства в XVIII в. Отвечая 31 декабря 1952 г. на одно из его писем, Б. А. Романов поблагодарил за доброе желание его поддержать и далее писал: «Так называемое выздоровление мое идет очень медленно и для меня почти незаметно. Во всяком случае мне уже разрешено читать и писать <...> Самое тяжелое время было, когда висел вопрос о зрении, и это длилось все лето! <...> На днях выходят в продажу „Судебники“¹⁹ <...> Это издание было последним толчком к моему заболеванию <...> Я вел вычитку текста комментария с двумя редакторами <...> а затем, когда затронуты были глаза, я провел правку корректуры <...> С другой стороны, под влиянием гонки в работе над переизданием дипломатических очерков мозг мой не выдержал перегрузки и ответил „запредельным торможением“ (в виде спазм мозговых сосудов), с чего все и началось с апреля [19]52 г. <...> Но мне хотелось бы все же довести это дело до конца и при себе издать Очерки <...> Опасаюсь, что это только мечта».

Весной 1953 г. на Б. А. Романова обрушились новые тяжелые переживания: в марте–апреле 1953 г. Ленинградское отделение Института истории, которое было основным местом его работы, было упразднено.²⁰ Причиной (скорее поводом) этого решения стало, в частности, облыжное обвинение научного коллектива в бесплодности. И хотя Б. А. Романов не был уволен и стал сотрудником Отдела древних рукописей и актов Института истории (с правом проживания в Ленинграде), созданного на базе Архива ЛОИИ, он болезненно переживал этот удар, тем более что знал о первоначальном намерении его уволить.²¹ Летом он повидался в Ленинграде с Н. Л. Рубинштейном, последний рассказал об этой встрече по возвращении в Москву Е. Н. Кушевой, с которой Б. А. Романов постоянно переписывался. Она и откликнулась на это сообщение, написав ему, что «отзыв» Н. Л. Рубинштейна об его «хорошем виде» ее «радует».²²

Вскоре, когда состоялись очередные выборы академиков,²³ на вопрос Н. Л. Рубинштейна о его отношении к этому событию, Б. А. Романов 7 ноября ответил подробным письмом, связав его с ликвидацией ЛОИИ: «Заседания в бывшем ЛОИИ — пока только суррогат. Да они и не людны, так что прежней коллективности пока нет. Сказать, как приняли в Ленинграде выборы, поэтому не могу. По личному моему мнению, выборы погоды не сделают (в судьбах нашей науки). В частности, ничто не изменится в наших здесь судьбах: мы прокляты и отлучены, ни за что, ни про что, окончательно, и по-видимому, к полному удовлетворению избранных. Конечно, было бы хорошо, если бы на наших трупах взросли новые всходы в Москве, но для этого надо верить в чудеса, к чему я с детства не приучен <...> А что произойдет от охотников обвинять нас в бесплодии по случаю собственного бесплодия, — сказать не берусь. Это уже дело будущих историографов — подвести итог происшедшей смене двух „эпох“. Только автоисториография всегда была и будет кривым зеркалом, с оглаживанием собственного живота».

Этой же осенью Н. Л. Рубинштейн участвовал в прениях по докладу Н. М. Дружинина (о конфликте между производительными силами и производственными отношениями), и Е. Н. Кушева сразу же написала об этом Б. А. Романову, отметив, что Н. Л. Рубинштейн выступил, «как обычно, умно, но несколько трудно». Кроме того, сообщила она, «только что вышла в свет его статья в 31 выпуске „Вопросов географии“». Видно, что он работает над своей большой темой.²⁴ Б. А. Романов живо на это отозвался в ответном письме Е. Н. Кушевой: «...рад, что появился на эстраде Н. Л.». Этот факт, как и ряд других, писал он, «точно обдали меня проточной водой».²⁵ Вскоре, отвечая Н. Л. Рубинштейну на новогоднее поздравление, Б. А. Романов сообщил ему 5 января 1954 г.: «...поговаривают о той или иной форме восстановления ленинградского коллектива ученых. Состояние рассеянной мануфактуры, видимо, показало себя как наименее удобное практически. Жизнь возьмет свое».

Через год, 31 декабря 1954 г., в поздравительном письме Н. Л. Рубинштейну с наступающим 1955 годом, он возвратился к этой теме: «ЛОИИ хотят возродить в 19[55] г. <...> с секцией Ученого совета <...> История описала круг — и вернулась к исходной точке». За два месяца до этого, продолжал Б. А. Романов, он «поставил точку» в конце последнего параграфа переиздания его «Очерков дипломатической истории русско-японской войны»: «Это просто чудо, что удалось дотянуть до конца <...> могу спокойно умереть — доделать могут и другие. Теперь по опыту могу сказать, что писать на международные темы — это вроде исполнения нескольких ролей в один вечер в одном спектакле. А у меня в данном случае было шесть ролей: шесть стран и шесть национальностей, за которые отдувался один я». Далее Б. А. Романов познакомил Н. Л. Рубинштейна со своими дальнейшими планами: комментирование «Воспоминаний» С. Ю. Витте и подготовка сборника документов «Внешние займы самодержавия в конце XIX — начале XX в.».

В свою очередь поздравляя Б. А. Романова с новым годом, Н. Л. Рубинштейн выразил свою радость — «обрадован вдвойне» «Вашим письмом»: «Прежде всего, его содержанием, говорящем об успешном продвижении новых научных работ и начинаний и обычном для Вас неизменном стилем <...> Во-вторых, доброй памятью обо мне». «Вспоминаю о Вас часто», — продолжил Н. Л. Рубинштейн и сообщил о близком завершении им крупного исследования: «...за истекший год я поработал неплохо и сейчас заканчиваю работу над разделом» о сельском хозяйстве в XVIII в. «Мне кажется, получается нечто новое, что, впрочем, нетрудно, учитывая, что в этой области у нас для XVIII в. вообще ничего не сделано <...> в результате этот раздел <...> перерос сам в целую книгу объемом около 30 листов». Н. Л. Рубинштейн поделился также своими соображениями о текущем состоянии исторической науки: «Очерки истории СССР» более чем скучны и бесцветны. Лучше очерки по истории Москвы. Интересных монографий что-то не видно. Институт истории полностью ушел в свои многотомники, а научной жизни как-то не стало. В отношении «Вопросов истории» нередко вспоминаю Ваши мрачные прогнозы. Попытки организовать интересные дискуссии уводят в схематическую теоретизацию».

До того как это письмо было получено в Ленинграде, выяснилось, что в руководстве Академии наук, курирующем общественные науки, возникло гонение на «пухлые книги» и это грозило значительным сокращением объема последней книги Б. А. Романова, которая уже проходила редакционную подготовку в издательстве. Он впал в отчаянье и

одновременно сообщил об этом нескольким московским коллегам, с мнениями которых он считался и которые относились к нему с глубоким уважением. — Н. М. Дружинину, А. С. Ерусалимскому, Е. Н. Кушевой, И. У. Будовницу, а также одному из ближайших учеников, находящемуся в это время вне Ленинграда, — А. А. Фурсенко. Среди адресатов был также и Н. Л. Рубинштейн, которому Б. А. Романов написал 19 января 1955 г., резко и горько высказавшись по поводу существовавших порядков: «...я питаю никаких иллюзий, пока творческие работники моего типа находятся целиком и полностью в зависимости от аппаратчиков <...> а в верхах <...> царствует боязнь „пухлых книг“ и взгляд на книгу, как на мешок с лапшой, которую можно из одного отсыпать по нормам вокзального весовщика». Далее Б. А. Романов поведал, что в его институтском плане объем работы был определен в «55–60 а. л.», а «нарушение плана все строже квалифицировалось как чуть ли не преступление <...> И вот, оказывается, вся трескотня об исполнении государственного плана превращается в словоблудие, которое самым зверским образом обращается на голову автора и на его „детиче“». Самый лучший способ искоренить вообще „деторождение“ в нашей стране». В заключение Б. А. Романов вспомнил о критическом замечании Н. Л. Рубинштейна по поводу книги «Люди и нравы древней Руси», и связал свою оценку древнерусского социума с современностью: «Твержу себе в утешение, что все равно осталось недолго жить, а „нравы“ и „людей“ тебе все равно не изменить, а потому и рыпаться нечего. Я упомянул эти два слова потому, что когда-то Вы упрекнули меня в том, что я не смотрю на жизнь (в прошлом) через розовые очки. Но откуда, как не из прошлого, идет то, что вгоняет тебя во мрак при описанных выше гримасах жизни».

Впрочем, эту атаку на книгу, которую тяжело больной Б. А. Романов с трудом дотягивал до издания, удалось отбить. Но его поджидала еще одна атака. Об этом он тоже с негодованием написал Н. Л. Рубинштейну (31 августа 1955 г.): «Издательство передало мне контрольную рецензию генерала Сорокина, разнесшего меня в пух за отсутствие патриотизма, недружелюбие ко всему русскому, за пристрастие к „болтовне“ дипломатов и за краткость в отношении всего военного (хочет батальной патриотической книги с разномом Стесселя и Куропаткина). Приходится отписываться в дирекцию Института, тратить уйму сил». Ответ Б. А. Романова на эту рецензию, о котором он упомянул в письме к Н. Л. Рубинштейну, был признан исчерпывающим, снимающим с автора вздорное подозрение в антипатриотизме, и последняя его книга — второе исправленное и дополненное издание монографии «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», — ставшая его лебединой песней, вышла в свет в самом конце 1955 г.²⁶

В это же самое время Н. Л. Рубинштейн сообщил Б. А. Романову, что сдал в издательство книгу о сельском хозяйстве России в XVIII в.,²⁷ и Романов сразу с радостью написал об этом в декабре 1955 г. Е. Н. Кушевой.

Жить ему оставалось недолго, и в июле 1957 г. Б. А. Романов скончался. Н. Л. Рубинштейн отозвался на это печальное известие письмом к Елене Павловне Романовой: «Не могу Вам сказать, как взволновало меня известие о смерти дорогого Бориса Александровича. Ведь несмотря на жизнь в разных городах, у нас с ним установились необычно близкие, интимно-дружеские отношения, позволявшие мне так глубоко почувствовать все его душевное обаяние <...> и глубоко человеческое отношение к людям».

Пожалуй, в этих словах точно и емко выражена суть отношений между двумя незаурядными личностями и крупнейшими историками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цамутали А. Н. «У меня, как всегда, много работы...»: Несколько штрихов к облику Николая Леонидовича Рубинштейна // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 278–285.

² Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 96–97.

³ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 123–143.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования. С. 96; Цамутали А. Н. Рубинштейн Николай Леонидович (1894–1963) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 698.

⁷ Письма Б. А. Романова Н. Л. Рубинштейну хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 521 [Н. Л. Рубинштейн], К. 26. Д. 251); письма Н. Л. Рубинштейна — в Архиве Санкт-Петербургского института истории (Ф. 298 [Б. А. Романов]. Оп. 1. Д. 251). Некоторые письма Б. А. Романова Н. Л. Рубинштейну цитируются по отпускам, хранящимся в фонде автора (Д. 191). Далее в тексте письма цитируются без ссылок на архивохранилища.

⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1; М., 1939. Т. 2.

⁹ Б. А. Романов — А. И. Андрееву. Из Ташкента в Казань. 3 июня 1941 г.: ПФА РАН. Ф. 935. Оп. 1. Д. 296. Л. 11 об.

¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

¹¹ Панях В. М. Творчество и судьба историка. С. 206.

¹² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947.

¹³ Правда Русская. Комментарии / Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов; Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. 2.

¹⁴ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947.

¹⁵ См.: Вотинов А. Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 126–135.

¹⁶ О расхождении во взглядах Б. А. Романова и Н. Л. Рубинштейна по вопросу о смердах и закупах древней Руси см.: Правда Русская. Т. 2. С. 179, 202, 315–316, 470, 480–481, 492–497, 505, 514–515, 713–715.

¹⁷ См.: Панях В. М. Творчество и судьба историка. С. 274–288.

¹⁸ См., например: Черепнин Л. В. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Исторические записки. 1950. Т. 33. С. 203–231.

¹⁹ Судебники XV–XVI веков / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова, Л. В. Черепнина; Под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952 (Б. А. Романову в этом издании принадлежит комментарий к Судебнику 1550 г. С. 181–340).

²⁰ Панях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.

²¹ См.: Панях В. М. Творчество и судьба историка. С. 321–324.

²² Е. Н. Кушева — Б. А. Романову 4 сентября 1953 г.: Архив СПбИИ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 238. Л. 231.

²³ На этих академических выборах действительными членами АН СССР стали Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова, П. Н. Поспелов и М. Н. Тихомиров.

²⁴ Е. Н. Кушева — Б. А. Романову 17 ноября 1953 г.: Архив СПбИИ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 238. Л. 240–240 об.

²⁵ См.: Панях В. М. Творчество и судьба историка. С. 404.

²⁶ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1955.

²⁷ Эта книга вышла в свет через два года: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.